

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ОХХVII

Rurin, Aleksandr Nikolaevich.

А. Н. Пыпинъ

ПОДДЪЛКИ

РУКОПИСЕЙ И НАРОДНЫХЪ ПЪСЕНЬ

1898

891.79

1997 pm

1898 a

61-338529

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества
Любителей Древней Письменности.

Секретарь *П. Шефферъ.*

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящія замѣтки составляли первоначально докладъ, читанный въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности, 12 февраля 1897. Для печати я нѣсколько расширилъ эти замѣтки, тѣмъ болѣе, что благодаря любезному содѣйствію Общества имѣлъ возможность воспользоваться рукописью Румянцовскаго Музея, принадлежавшей нѣкогда Сулакадзеву и заключающей другія его записи. Полнаго обзора поддѣльныхъ рукописей и произведеній народной словесности я не имѣлъ въ виду, и хотѣлъ только обратить вниманіе на вопросъ и указать нѣкоторые факты.

Я совсѣмъ не коснулся также другой стороны предмета, которая заслуживаетъ вниманія и до сихъ поръ отмѣчалась только случайно, — именно, поддѣлокъ *старо времени*. Таковы были напр. подложныя грамоты (какъ изданныя Андреемъ Поповымъ, „Изборникъ“ стр. 448—458; „Обзоръ Хроногр.“ II, стр. 201, 227—229), сомнительныя житія (напр. Анны, чудотворицы Кашинской; Ключевскій, Житія, стр. 340—341; Костомаровъ, Монографія, т. XII), подложные статейные списки (вымышленные статейные списки посольствъ А. Ищеина и Э. И. Сугорскаго, изданные въ Памят-

никахъ Древней Письменности подъ № XII, 1883); подложное соборное дѣяніе „на арменина еретика Мартина“ (сомнѣнія Карамзина; нѣсколько уклончивое сужденіе у Руднева, „О ересяхъ и расколахъ“, стр. 66—67, и примѣч., стр. 21; Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В., II, стр. 400—402, и др.; молчаніе новѣйшихъ писателей о расколѣ), и пр.

Мартъ, 1898.

А. П.

I. Поддѣльныя рукописи Сулакадзева.

Въ послѣдніе годы жизни, 1811—1816, Державинъ писалъ свое „Разсужденіе о лирической поэзии или объ одѣ“. Упомянувъ о томъ, какъ въ средніе вѣка Европа покрылась сугубымъ мракомъ невѣжества, гдѣ только проблескивали слабыя искры словесности, онъ говоритъ: „Стихотворство тогда, безъ вдохновенія и вкуса, ежели можно его таковымъ назвать, было суровое сотканіе словъ силлабическою просодією, которое при вторженіи Готовъ *руннымы* называлось“, и затѣмъ продолжаетъ: „Если справедливо недавнее открытіе одного славено-руннаго стихотворнаго свитка I вѣка и нѣсколькихъ произреченій V столѣтія новгородскихъ жрецовъ, то и они принадлежатъ къ сему роду мрачныхъ временъ стихосложенія. Я представляю при семъ для любопытныхъ отрывки оныхъ; но за подлинность ихъ не могу ручаться, хотя, кажется, буквы и слогъ удостовѣряютъ о ихъ глубокой древности. Пусть знатоки о семъ разсудятъ“. Онъ приводитъ затѣмъ снимокъ съ этого „славено-руннаго свитка“, его чтеніе и наконецъ переводъ. Не привождя чтенія этого гимна I-го вѣка, съ обращеніемъ къ Болю, — довольно безсмысленнаго, — напомнимъ лишь переводъ, повидимому, принадлежавшій самому Державину:

„Не умолчи, Болю, снова воспой;
О комъ глѣзъ, благо тому.
Суда Велесова не убѣжать:

Славы Славяновъ не умалять.
Мечи Болговы на зыбѣхъ остались;
Память Злогора Волхвы поглотили.
Одну вспомянаю, Скъну пѣснь.
Златымъ пескомъ трезвымъ посыпаямъ“.

Кромѣ того, Державинъ приводитъ „Изреченія или отвѣты новгородскихъ жрецовъ“, въ четырехъ строкахъ такими же „рунами“, съ чтеніемъ и слѣдующимъ переводомъ:

„По злобѣ свара
Сильному смерть:
Тажба съ богатствомъ
Худъ передѣлъ“.

Онъ замѣчаетъ объ этихъ свитеахъ, что „подлинники на пергаменѣ находятся въ числѣ собраній древностей у г-на Селакадзева“¹⁾.

Евгеній Болховитиновъ (тогда епископъ, впоследствии митрополитъ), съ которымъ Державинъ дѣятельно переписывался по поводу своего разсужденія, замѣчалъ ему объ этихъ древностяхъ: „*Славено-рунный свитокъ и провъщанія Новгородскихъ жрецовъ* лучше снести на конецъ въ обзорнѣе *Русскихъ Лириковъ*. Весьма желательно, чтобы вы напечатали сполна весь сей гимнъ и всѣ провъщанія жрецовъ. Это для насъ любопытнѣе китайской поэзіи. Г. Селакадзевъ или не скоро, или совсѣмъ не рѣшится издать ихъ, ибо ему много будетъ противорѣчниковъ. А вы какъ сторонній и какъ бы мимоходомъ познакомите насъ съ сею диковинкою, хотя древность ея и очень сомнительна. Особливо не надобно вамъ увѣрять своихъ читателей о принадлежности ея къ I-му или V-му вѣку“.

Въ тѣхъ же примѣчаніяхъ Болховитиновъ говоритъ о былинкахъ Кириши Данилова: „*Древнія Русскія стихотворенія,*

¹⁾ Сочиненія Державина, изданіе Грота, т. VII, стр. 585—587. Въ приведенныхъ здѣсь и далѣе упоминаемыхъ имя это пишется различно: Селакацій, Селакадзевъ, Салакадзевъ, Сулакадзи. Мы имѣли въ рукахъ подлинную его подпись, гдѣ онъ пишетъ свое имя: Сулакадзевъ.

изданныя г. Ключаревымъ съ изустныхъ преданій, представляютъ намъ смѣсь древнихъ происшествій и обычаевъ съ новѣйшими, и всё почти состоятъ изъ повторенія одинавыхъ картинъ, въ которыхъ при всемъ томъ замѣтны порывы Сѣверной *скандинавской* лирической поэзіи¹⁾.

Въ 1813 году Державинъ писалъ свое стихотвореніе въ родѣ баллады: „Новгородскій волкъъ Злогоръ“, гдѣ имя Злогора взято, очевидно, изъ упомянутаго выше „славено-руннаго свитка“ и гдѣ, воспользовавшись также мѣстными новгородскими преданіями, онъ видимо желалъ воспроизвести стиль славяно-русской древности, образчикъ котораго данъ былъ въ этомъ свиткѣ.

Откуда же взялся этотъ свитокъ, находившійся у Сулакадзева?

Одно изъ первыхъ упоминаній объ этомъ свиткѣ, если не первое, находится въ письмѣ Евгенія Болховитинова изъ Вологды къ проф. Городчанину въ Казань, въ январѣ 1811 года: „Сообщаю вамъ при семъ петербургскую литературную новость. Тамошніе палеофилы, или древностелюбцы, отыскали гдѣ-то цѣлую пѣснь древняго славенорусскаго пѣснопѣвца Бояна, упоминаемаго въ *пѣсни полку Игореву*, и еще *ораклы* древнихъ новгородскихъ жрецовъ. Всѣ сіи памятники писаны на пергаментѣ древними славеноруническими буквами, задолго явобы до христіанства. Если это не подлогъ какихъ-нибудь древностелюбивыхъ проказниковъ“. Въ 1812 г. этотъ Бояновъ гимнъ былъ сообщенъ Евгеніемъ черезъ князя П. А. Вяземскаго, находившагося тогда въ Вологдѣ, Карамзину, жившему тогда, по вѣздѣ изъ Москвы, въ Нижнемѣ. „Пожалуйста“, — писалъ Карамзинъ Вяземскому, — „спросите (Евгенія) и меня увѣдомьте, кто имѣетъ оригиналъ, на пергаментѣ писанный, какъ сказано? Гдѣ это найдено, и давно ли извѣстно? Кто переводилъ?“ И въ другомъ письмѣ, отъ 14-го ноября, Карам-

¹⁾ Тамъ же, т. VII, стр. 615—617.

зинъ пишетъ опять: „Скажите... отъ меня ласковое слово епископу Евгению; я искренно уважаю его, и буду ему благодаренъ, когда онъ пришлетъ мнѣ вѣрную копію съ гимна Боянова, дѣйствительнаго или мнимаго“¹⁾).

Въ письмѣ Державина къ Капнисту отъ іюня 1816 года опять идетъ рѣчь о томъ же гимнѣ. Живя въ своемъ помѣстьѣ Званкѣ, Державинъ доканчивалъ свое „Разсужденіе о лирической поэзи“, но не находилъ въ своихъ бумагахъ „окончанія пѣсни Бояновой *Одену*, которая написана руническими буквами“, и поручалъ Капнисту разыскать ее: „...но ежели той Бояновой пѣсни не найдешь, то найди въ Семеновскомъ полку отставнаго офицера Александра Ивановича Села(ва)дѣва, котораго, я думаю, знаетъ, гдѣ живетъ, швейцаръ, и скажи ему отъ меня, что я его прошу убѣдительно еще ссудить меня спискомъ съ той пѣсни и съ отвѣтовъ новгородскихъ жрецовъ, ибо та пѣснь у меня между бумагами моими завалилась, что не могу найти; а отвѣтовъ новгородскихъ жрецовъ, хотя и обѣщаль мнѣ списать, но еще отъ него ихъ не получалъ, и мнѣ всѣ эти рѣдкости хочется внести въ мое разсужденіе для любопытства охотниковъ, но не подь моимъ именемъ, а подь его, какъ и въ книжкахъ „Бесѣды“ напечатано“²⁾).

Позднѣе, Евгений Болховитиновъ упомянулъ объ этихъ рунахъ въ жизнеописаніи св. Мееодія. Сказавъ о томъ, какъ „нѣкоторые изъ западныхъ“ хотѣли предвосхитить у Кирилла и Мееодія первенство въ изобрѣтеніи славянской азбуки, для чего „была вымышлена“ особая, глаголическая, азбука, приписанная Иерониму, западному отцу IV вѣка,—онъ говоритъ дальше:

¹⁾ Сочиненія Державина, т. III, стр. 134—137; Русскій Архивъ, 1866, стр. 231, 234. Г. Бартенева замѣчаетъ (и это повторено Гротомъ), что Бояновъ гимнъ есть „извѣстный археологическій подлогъ купца Бардина, торговавшаго старинными рукописями“, — но имя Бардина, кажется, поставлено здѣсь произвольно.

²⁾ Соч. Державина, т. VI, стр. 339.

Нѣкоторые и у насъ хвалялись такъ же находкою якобы древнихъ Славено-Русскихъ Руническихъ письменъ разнаго рода, кои написанъ Бояновъ Гимнъ и нѣсколько провъщаній Новгородскихъ языческихъ Жрецовъ, будто бы пятаго вѣка. Рунъ сіи очень похожи на испорченныя Славенскія буквы, и потому нѣкоторые заключали, якобы Славяне еще до христіанства издревле имѣли кѣмъ-нибудь составленную особую свою Рунную Азбуку, и что Константинъ и Меодій уже изъ Рунъ сихъ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ буквъ изъ Греческой и иныхъ Азбукъ составили нашу Славенскую, такъ, какъ Епископъ Улфила въ IV вѣкѣ для Готовъ, жившихъ въ Мизіи и Фракіи, составилъ особую Готическую Азбуку изъ Сѣверныхъ Рунныхъ, Греческихъ и Латинскихъ буквъ. Такими Славено-Русскими Рунами напечатана первая Строфа мнимаго Боянова Гимна, и одинъ Оракулъ жреца въ 6-й книжѣ. *Чтенія въ Бесѣдѣ любителей Рускаго Слова* въ С.-Петербурѣ 1812 г. Но и сіе открытіе нивого не увѣрило¹⁾.

Въ біографіи Державина разсказывается о посѣщеніи имъ и его друзьями Сулакадзева для осмотра собранія рѣдкостей (т.-е. книжныхъ), въ 1810 году, хотя Оленинъ забвралъ Державина объ ихъ подложности²⁾. Такимъ образомъ уже съ этихъ поръ Сулакадзевъ имѣлъ репутацію поддѣльщика рукописей, и эта репутація была потомъ очень извѣстна нашимъ археографамъ, хотя, повидимому, кромѣ поддѣлокъ, у него было значительное собраніе старыхъ рукописей, и еще въ 1823 году канцлеръ Румянцовъ поручалъ Востокову осмотрѣть рукописи Сулакадзева. Затѣмъ гораздо позднѣе, въ 1850 г., шла еще рѣчь объ его издѣліяхъ: въ этомъ году игуменъ Валаамскаго монастыря Дамаскинъ обращался къ Востокову съ вопросами о матеріалахъ для исторіи монастыря

¹⁾ Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви. Изд. 2-е. Спб. 1827, II, стр. 58—59. Въ „Бесѣдѣ“ печаталось именно „Разсужденіе о лирической поэзіи“, Державина

²⁾ Сочиненія Державина, т. VIII, стр. 903—904.

и между прочимъ упоминалъ, что „титуплярный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Сулакадзевъ“, трудившійся много лѣтъ надъ исторіей Валаама, въ рукописи, хранящейся въ тамошнемъ монастырѣ, приводитъ изъ какой-то древней рукописи загадочную выписку, — игумень Дамаскинъ скопировалъ эту выписку въ своемъ письмѣ, и Востокъ отвѣчалъ: „Что касается до приведенной вами въ письмѣ вашемъ выписки изъ сочиненія Сулакадзева, то она не заслуживаетъ никакого вѣроятія: покойный Сулакадзевъ, котораго я зналъ лично, имѣлъ страсть собирать древнія рукописи, и вмѣстѣ съ тѣмъ портить ихъ своими приписками и поддѣлками, чтобы придать имъ бѣольшую древность; и эта, такъ названная имъ „оповѣдь“, есть такого же роду собственное его сочиненіе, исполненное небывалыхъ словъ, непонятныхъ словосочращеній, безсмыслицы, чтобы казалось древнѣе“¹⁾).

Наконецъ мы встрѣчаемъ имя Сулакадзева въ перепискѣ Строева съ Устряловымъ, въ 1832 году. Послѣдній готовился тогда къ изданію сочиненій князя Курбскаго; онъ уже намѣтилъ главныя рукописи; Строевъ, съ своей стороны, обѣщавъ доставить ему „почти современный прекрасный списокъ всѣхъ сочиненій Курбскаго“. Устряловъ былъ очень обрадованъ этимъ обѣщаніемъ, но высказывалъ Строеву свои опасенія: „Боюсь только, не разумѣете ли вы списокъ покойнаго Сулакадзевя: тутъ ничего не возьмешь. Я былъ у вдовы его съ К. М. Бороздинымъ и предлагалъ ей значительную сумму — но не успѣлъ уговорить; хочеть, чтобы купили всѣ ея книги и при томъ за 25 т. р. Однимъ словомъ, сладить съ ней нѣтъ надежды“. Строевъ отвѣчалъ на это: „...Напрасно вы хлопо-

¹⁾ Переписка А. Х. Востокова (Сборникъ русск. отдѣленія Академіи, т. V, вып. II, Спб. 1873), стр. 49, 380—392; ср. также стр. 412, пригвчаніе Срезневскаго: „Сулакадзевъ, упоминаемый въ письмѣ Востокова къ графу Румянцову, издавна собиралъ рукописи, которыя еще и недавно были въ распродажѣ у ветошниковъ, и, какъ оказалось, многое поддѣлывать и въ нихъ, и отдѣльно. Въ поддѣлкахъ онъ употребилъ неправильный языкъ но незнавію правильнаго, иногда очень дикій“.

чете слишкомъ около г-жи Сулакадзе. Еще при жизни покойника я рассматривалъ книжныя его сокровища, кои графъ Толстой намѣревался тогда купить. Не припомню тамъ списка Курбскаго, но поддѣлки и приправки, впрочемъ весьма искусныя, на большей части рукописей и теперь еще мнѣ памяты. Тогда не трудно было морочить¹⁾.

Сулакадзе въ наиболѣе извѣстный изъ поддѣльщико въ древнихъ рукописей. Гимнъ, приведенный Державиннымъ, и древній текстъ, приведенный у игумена Дамаскина, достаточно показываютъ автуну и крайне неумѣлую поддѣлку.

Чѣмъ же руководился поддѣльщикъ и съ какою цѣлью производилъ онъ свои издѣлія? Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, были ли у него только промышленныя соображенія или была та страсть къ фальсификаціи, которая — не въ одномъ этомъ примѣрѣ — дѣйствовала сама по себѣ какъ потребность фантазіи. Относительно упомянутыхъ поддѣлокъ Сулакадзе, очевидно, руководился тѣми представленіями о славяно-русской древности, какія господствовали въ его время. Если Державинъ въ своемъ „Разсужденіи о лирической поэзіи“ говорилъ, напримѣръ, что „гимны содержали въ себѣ часть религіи и нравоученія; они пѣвались при Богослуженіи, ими объясняемы были оракулы, возвѣщаемы законоположенія, преподаваемы, до изобрѣтенія письменъ, славныя дѣла потомству“ и проч., то это были тѣ представленія о древней поэзіи, какія вообще были тогда распространены, и съ такими же представленіями Сулакадзе сочинялъ свой Бояновъ гимнъ. Тѣ же общія представленія обнаруживаются у Державина, когда онъ помѣщаетъ въ Новгородѣ сальдовъ, признаетъ въ древней Руси руны, или у Евгенія Болховитинова, когда онъ въ былинахъ Кириши Данилова замѣчаетъ „порывы сѣверной скандинавской лирической поэзіи“, — и такимъ же образомъ Сулакадзе помѣщаетъ въ своемъ гимнѣ Одина.

¹⁾ „Жизнь и труды Строева“, Н. Барсукова. Сиб. 1878, стр. 237—239

Кромѣ этого представленія о древнихъ скальдахъ, жрецахъ, рунахъ и т. п., Сулакадзеу, очевидно, заимствовали свои приемы изъ Слова о полку Игоревѣ, — но затѣмъ его фальсификаціи имѣли и еще болѣе широкіе матеріалы и планы.

Давнымъ давно, въ пятидесятыхъ или шестидесятыхъ годахъ, мною приобрѣтена была оригинальная рукопись. Писанная на грубой синеватой бумагѣ старымъ почеркомъ, она относится, судя по разнымъ упоминаніямъ, къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія и составляетъ тетрадь въ четвертку, въ 24 листа. По содержанію, а потомъ и по почерку я убѣдился, что она принадлежитъ именно Сулакадзеу. Рукопись начата съ обонхъ концовъ: съ одной стороны идетъ списокъ русскихъ рукописей и книгъ, или сочиненій, относящихся до Россіи, — на чемъ мы дальше остановимся; съ другой стороны — другой списокъ: „книги на грузинскомъ языкѣ, письменныя и печатныя, гдѣ и когда“ и пр. (судя по фамилии, Сулакадзеу былъ родомъ изъ грузинъ).

Списокъ русскихъ книгъ представляетъ нѣчто необычайное, какъ можно тотчасъ увидѣть изъ самаго заглавія каталога. Это заглавіе слѣдующее:

„Книгорекъ, то-есть, каталогъ Древнимъ книгамъ, какъ письменнымъ, такъ и печатнымъ, изъ числа конхъ по суевѣрію многіе были прокляты на соборахъ, а инныя въ копіяхъ соужены, хотя бы оныя одной исторіи касались; большая часть оныхъ писаны на пергаминахъ, инныя на кожахъ, на бузовыхъ доскахъ, берестяныхъ листахъ, на холстѣ толстомъ, на питанномъ составомъ, и другихъ“.

Это была записная тетрадь, въ которую составитель каталога вносилъ различныя книжныя свѣдѣнія, особенно его интересовавшія, и гдѣ рядомъ съ дѣйствительными книгами внесены были мѣстами и книги совершенно фантастическія, составлявшія, очевидно, его собственное издѣліе. Каталогъ имѣетъ дальше нѣсколько частныхъ отдѣловъ. На оборотѣ заглавнаго листа онъ пишетъ: „1551 года книги были за-

прещены", съ помѣтой „Стоглавъ въ 4. стр. 113“, и затѣмъ перечислены: Рафилъ, Шестокрылъ, Вороноградъ, Алмапахъ, Аристотелевы врата и т. д. по Стоглаву; и здѣсь же сбоку приписка о Шестокрылѣ и замѣтка: „1519: письмо дяку Мисюрю Мунохину, Оилофея старца Елизарова монастыря, во Псковѣ. (въ) рукописи въ 4. № 20 или К.“

Далѣе, новое заглавіе: „Рукописи“, гдѣ главнымъ образомъ пересчитываются книги мистическія и алхимическія и подобнаго рода предметы, которые между прочимъ занимали въ то время нашихъ масоновъ. Напримѣръ: о Сивиллахъ; о Палингенезіи, XII ключей Вас. Валентина; о Камнѣ мудрыхъ Бема; вѣчныя лампы; Grade du maitre....; Нигра магика; Ключъ Соломоновъ; Платоново кольцо; Сѣнь Авраама; Конь Георгіевъ; Жезлъ явленій; Вѣнецъ мудрыхъ; Камень гроба Господня; Ключъ рая и т. д. Новое заглавіе: „Манускрипты“, гдѣ опять перечисляются различныя мистическія и алхимическія предметы и книги, напримѣръ: „египетская магія, спагерическія науки, ключъ Раймунда Люлія“, и здѣсь же: „галванизмъ; миеология; отъ ужаленія змѣй и бѣшеныхъ собакъ, по опытамъ; таинство розоваго креста; о духѣ въ женщинѣ; а также: Травникъ рус. стар., Удотрепетникъ, о Срацицѣ І. Х. (Исуса Христа), Сонъ Богородицы“.

Далѣе, новое заглавіе, писанное красными чернилами и вязью: „Книги древне-учителей Словеномъ“. Это длинный списокъ отцовъ церкви и церковныхъ книгъ, большею частію одни имена, но при нѣкоторыхъ именахъ и заглавіяхъ есть отмѣтки. Напримѣръ:

— „Синадикъ или Синодикъ, на доскѣ вырѣзанной, былъ въ Новѣ городѣ въ Софійс. соб. всѣхъ посадниковъ и владыкъ ихъ, предревней (на полѣ отмѣтка красными чернилами: *есть*).

— Иосафъ царевичъ (есть).

— Ефремъ Сирийъ (есть).

— Максимъ Грекъ (не его граматика: есть у мня, но подъ его именемъ считаема, Мелетія Смотрнцаго).

— Давидъ, игуменъ черниговскій, книга Страница, 1105 года.

— Гронографъ (есть на бумагѣ писанная 1606 года).

— Глубина, рукопись 16 вѣка, попа Ласки, о исходахъ и исповѣди, о духѣ и тѣлѣ.

— Бисеръ. 14 вѣка, о крещеніи, о книгахъ, свиткахъ и мужахъ, построившихъ церкви.

— Криница. 9 вѣка, Чердыня, Олеха вишерца, о переселеніяхъ старожиловъ людей и первой вѣрѣ.

— Пчела, рукописная книга, въ оной разныя любопытства достойныя слова, притчи, исторіи и чудеса собраны.

— Стоглавъ, 1551 года, писменной (есть).

— Криница или временныя книги, въ кои вписывали въ 1471 году о знаменіяхъ небесныхъ, о звѣздахъ и прочихъ видѣніяхъ при воемъ царѣ и гѣтѣ (Царственный Лѣтописецъ, С.-бургъ 1772, стр. 401).

— Жидовинъ, рукопись одиннадцатаго вѣка, киевлянина Радипоя о жидкахъ самарянахъ, и другихъ; кто отъ вою проишошелъ“, — и т. д.

Въ томъ, что мы до сихъ поръ читали, является смѣсь дѣйствительно существующаго съ выдуманнмъ. Надо предполагать, что это выдуманное въ родѣ книгъ девятого вѣка, въ родѣ такихъ сочинителей, какъ киевлянинъ Радипой или Оলেখъ вишерецъ и т. п., означали или исполненныя, или пока только задуманныя поддѣлки. Но настоящіе перлы этого рода находятся въ слѣдующемъ отдѣлѣ, который обозначенъ такъ: „Книги непризнаваемыя, коихъ ни читать, ни держать въ домѣхъ не дозволено“.

Главную основу этого отдѣла составляютъ книги, о которыхъ авторъ тетради вычиталъ въ извѣстной статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ: эту статью Сулакадзевъ зналъ изъ „Юанна эзарха болгарскаго“, Калайдовича (1824), который въ другомъ мѣстѣ упоминается въ его цитатахъ. Сначала здѣсь выписаны были одни названія ложныхъ книгъ по этой

статьи; но затѣмъ, видимо, позднѣе, къ этимъ заглавіямъ сдѣланы приписки. Въ то время, когда статья печаталась у Калайдовича, ложныя книги были очень мало извѣстны, иныя совсѣмъ неизвѣстны даже немногимъ тогдашнимъ специалистамъ,—это именно и была желанная почва для предприимчиваго фальсификатора. Онъ знаетъ эти книги; онъ указываетъ ихъ содержаніе, ихъ вѣкъ, ихъ авторовъ, и при нѣкоторыхъ отмѣчаетъ, что онѣ у него есть.

Большая часть ложныхъ книгъ осталась безъ особыхъ отмѣтокъ, какъ были сначала выписаны; но къ нѣкоторымъ изъ нихъ сдѣланы, напримѣръ, слѣдующія объясненія.

— „Патріарси. Вся вырезана на буквыхъ доскахъ числомъ 45 и довольно мѣлко: Ягипа Гана смерда въ Ладогѣ IX вѣка, о переселенцахъ варяжскихъ и жрецахъ и писменахъ, въ Моравію увезено.

— Адамъ. Заключ: житія святыхъ Новгородс. замучен. отъ идолопоклонни: холмоградскихъ XIII вѣка въ Сюзіомгахъ, сочине. деревской пятины вупца Дымен.

— Енохъ. Рукопись VIII вѣка о видѣніяхъ и чудесахъ, есть съ нее и копія у расколъ: волховскихъ.

— Исаино видѣніе, рукоп. 14 вѣка, Плотинскаго конца тысячняка Января Оленича, множество чудесъ, видѣній древняго и новаго завѣта.

— Евангеліе отъ Θомы (есть въ моей бібліотекѣ, и другіе).

— Дѣвство (д. б.: дѣтство) Христова, рукопись 14 вѣка, противъ жидовъ Сонки Заввона, съ Холопей улицы въ Новоградѣ.

— Богородицино хоженіе по музамъ, 10 вѣка, съ греческаго, Эпафраса.

— О Кытоврасѣ (есть).

— Сонъ Богородицы, како по музамъ ходила, отъ траса-вицы носити на себѣ, и отъ пожара въ домѣхъ хранить, и отъ грома, въглядать въ стѣны, и подъ конь на версѣ кровли (есть).

— Лобъ Адамъ, X вѣка, рукоп: смерда Внесдилища, о холмахъ новгородскихъ, тризнахъ Злогора, Колядъ вандаловой и округѣ Буривою, и Владиміра, на кожѣ белой“, и пр.

Затѣмъ упомянуты нѣсколько книгъ извѣстныхъ, какъ Рай мысленный, Великое Зерцало и пр., и далѣе, новая рубрика: „Книги, называемыя еретическія“, и здѣсь опять цѣлый рядъ великихъ рѣдкостей, напримѣръ:

— „Молніянникъ, 7 вѣка, Яна Окулы, о чудныхъ сно- виденіяхъ и наветы о доброй жизни.

— Мѣсяць окружится, псковита Лиха.

— Коledникъ V вѣка дунайца Яловца, писан. въ Кіевѣ, о поклоненіяхъ Тройскимъ горамъ, о гаданіяхъ въ печерахъ и Днѣпровскихъ порогахъ русалами и виенмирами.

— Волховникъ.... рукопись VI вѣка, Колота Путисила, жившаго въ Русѣ градѣ, въ печерѣ“, и далѣе еще: „Поточникъ“, рукопись 8 вѣка, жреца Сонцеслава, „Путникъ“ IV вѣка“ и т. д.

Здѣсь же въ ряду еретическихъ книгъ записана:

— „Бояновы(а) Песнь въ стихахъ выложенная имъ, на Словеновы ходы, на казни, на дары, на грады, на волховы обаянія и страхи, на Злогора, умлы и тризны, на баргаментѣ разномъ малыми листками, шитыми струною. Предревнее сочине. отъ 1-го вѣка, или 2-го вѣка“ (на полѣ обозначено: есть).

Это и есть, очевидно, Бояновъ гимнъ, который мы видѣли у Державина, или его варіація. Въ приведенныхъ замѣткахъ фальсификатора находится также имя Злогора, который занялъ прочное мѣсто и въ собственныхъ твореніяхъ Державина на темы изъ древнихъ славяно-русскихъ временъ.... Последнія строки въ замѣткѣ о Бояновомъ гимнѣ, гдѣ говорится о листкахъ „баргамента“, писаны по выскобленному: повидимому, прежде находились здѣсь другія подробности о способѣ написанія этого произведенія перваго или втораго вѣка, а потомъ авторъ гимна придумалъ другіе признаки этой глубокой древности.

Не будемъ перечислять другихъ удивительныхъ древностей, которыя находились въ этой коллекціи, какъ: Іудино посланіе (рукопись на славянскомъ языкѣ второго вѣка, „претрудно читать“; „на шкурѣ“); Волховникъ XV вѣка, Волхвотравъ („естъ“), Звѣздочтецъ XV вѣка, — и укажемъ еще послѣднюю рубрику: „*Книги отреченныя*“. Здѣсь находится:

— „О китоврасѣ, басни и вошунѣ“. Это взято опять изъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, но затѣмъ прибавлено красными чернилами: „на буювыхъ доскахъ вырезано и связаны кольцами желѣзными, числомъ 143 доски, 5 вѣка на славенскомъ“.

— „Авгарево посланіе, носити на себѣ спасенія“, и потомъ прибавка красными чернилами: „на напірусномъ листѣ: оригиналь. Есть“.

Далѣе, находится: „Василія Кесарійскаго о себѣ самомъ (на кожѣ теллячей)“; „Григорія Богослова, о немъ писаніе, и о Мавовеяхъ, на пергаминахъ, въ 13 вѣкѣ писана. *Есть у меня*“. О сочиненіи Іереміи попа болгарскаго замѣчено: „на пергаминахъ“, такъ что предполагается, что и эта книга была въ собраніи.

Наконецъ, у Сулакадзева находились разныя другія вещи: исторія Амана и Мардохея, еврейскій свитокъ X вѣка; Лютеровъ календарь, 1563 г., на пергаминахъ листѣ, кака-то книга съ заглавіемъ, писаннымъ рунами (все это съ отиѣтками: есть), и т. д.

Таково содержаніе этого каталога.

Мы имѣли въ рукахъ еще одну рукопись Сулакадзева. Это — рукопись Московскаго Румянцовскаго музея, № 2654, принадлежавшая передъ тѣмъ извѣстному собирателю Дурову. Какъ записано Сулаказовымъ самимъ на одномъ изъ послѣднихъ листовъ книги, она была имъ приобрѣтена по смерти нѣкоего Каржавина, повидимому, также любителя рукописей въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ этой рукописи, именно въ припискахъ къ ней самого Сулакадзева, находятся еще новыя

указанія если не объ его поддѣлахъ, то объ его книжническихъ вкусахъ.

Рукопись Румянцовскаго музея заключаетъ въ себѣ слѣдующее твореніе (лл. 1—51 по старой помятѣ): „Выглядъ сновъ Данила пророка (шде?). Разсуждая инфлюенцію седми планетъ и 12 знаковъ небесныхъ растворенія тела человеческого, доводы, в дѣйство произведено и опробовано. Отъ непотребныхъ врачей розказъ и бабихъ басенъ в Тарунской типографіи безъ свидѣтельства предостереженъ. Также фигурами таблицою Пифагоровою и новымъ физическимъ разговоромъ на конце положеннымъ изъяснены в Кракове типомъ издадеса 1696-го года. Проведесаже с полскаго на російской диалектъ московской славенагреколатинской императорской академіи студентомъ Иоанномъ Грацинскимъ в Москвѣ. 1745 году Марта 4 дня“. На заглавномъ листѣ поставлено сбоку имя владѣльца: Феодоръ Каржавинъ.

Въ концѣ, л. 51 на оборотѣ, записъ: „Сія книга принадлежала книжнику Зотову, а мнѣ имъ отдана съ другими сонниками, чтобы здѣлать ему общій Сонникъ: но онъ умеръ не дождавшисъ сонникѣ. Феодоръ Каржавинъ.“ А далѣ другая записъ: „А я купилъ послѣ смерти Г. Каржавина, заплатилъ пять рублей. 1813. Сулакадзеъ. Въ моемъ собраніи болѣе двухъ тысячъ рукописей всякаго рода, окромѣ писанныхъ на баргаментѣхъ, есть подобныя сей предрогоцѣнныя и прелюбопытныя“.

При переплетѣ рукописи въ началѣ и въ концѣ оставлено было по нѣскольку чистыхъ листовъ, которые наполнены библиографическими замѣтками самого Сулакадзева, а кромѣ того, между ними вклеенъ конецъ статьи изъ „Вѣстника Европы“, 1812, № 12, іюнь, „О календарѣ и о раздѣленіи времени“. Эти замѣтки интересны между прочимъ для вкусовъ Сулакадзева: онъ почти безъ-исключенія занятъ перечисленіемъ книгъ таинственныхъ, мистическихъ, гадательныхъ, запрещенныхъ, частью рукописныхъ, но особливо

печатныхъ, иногда на иностранныхъ языкахъ. Отмѣтимъ сначала: „*Книги запрещенныя*“. Это опять заглавія, взятая изъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, иногда съ замѣтками. Напримѣръ:

„*Раши*. Книга рукописная, гаданія по точкамъ и чертамъ и счету, о ней какъ о еретической и волхвовательной 1551 года поминается во Стоглавѣ. Гл. 41 и 44 Въ моей библиотекѣ 1824, іюля 27. Сулакадзевъ, два столба. Франц. Raße, въ игрѣ зернію. Когда три кости бросишь, и на нихъ выпадеть одинакое число очковъ“.

„*Шестокрылъ*. Книга рукописная...

„*Зодіи*. Зодіакъ, или по 12 созвездіямъ мѣсячнымъ (здѣ: стр. 26)“. Последняя ссылка относится къ самому Солнну Данила пророка, гдѣ на этой страницѣ идетъ рѣчь о зодіакѣ.

„*Аристотелевы ората*. Книга о чудесахъ и гаданіи“.

Далѣе приписано:

„Луцидаръ, о разныхъ предметахъ сущихъ на небесахъ, на земли и въ водахъ въ 8^о—1498. На богемскомъ. Печат. въ Новомъ-Пилзенѣ“.

„Календаръ, изд. Никол. Бакаларіемъ, на богемскомъ, въ Новомъ Пилзенѣ 1489“.

Далѣе, съ отмѣткою: „въ моей библиотекѣ“—рядъ печатныхъ календарей и гадательныхъ книгъ, астрологовъ, оракуловъ и т. д. книгъ латинскихъ и нѣмецкихъ, напримѣръ: Agrippa. De Occulta philosophia; Spiegel der sibyll. n и пр.

Далѣе, „рукописи въ моей библиотекѣ“:

„*Пророчицаицій* Зороастръ въ листъ, съ изобр. съ франц.

„*Кибалла*, Гамаллен, въ листъ, съ фигур.

„*О 72 ангелахъ* на еврейскомъ и русск., въ листъ...

„*Табель* натуры, въ листъ съ изобр.

„*Книга Тоттъ*, съ 78 картами, въ 4. (рѣдка).

„*Первоотретномантія*, въ 4...

„*Толкованіе* на родимыя пятна, въ 4.“ и т. д.

Между другими записями дагѣ находимъ:

„Посольство демонское на небо. 21 глава на 164 листахъ. Переводъ съ польскаго“. Это, очевидно, тотъ памятникъ, изложеніе котораго сдѣлано было въ изданіи Общества любителей древней письменности г. Кирпичниковымъ: „Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго“. Спб. 1894, № СІV.

Мистическіе вкусы Сулавадзева выразились еще въ особой замѣткѣ о значеніи сновъ. Сонники, какъ мы видѣли, казались ему книгами предрагоцѣнными и прелюбопытными. Въ его библиографическихъ замѣткахъ указано множество сонниковъ и всякаго рода гадательныхъ книгъ, отчасти по рукописямъ, а главнымъ образомъ по печатнымъ книгамъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, подобранныхъ отчасти по „Опыту російской библиографіи“ и по каталогу Плавильщикова, отчасти, безъ сомнѣнія, по собственному его собранію. Предвѣщательное значеніе сновъ онъ доказываетъ указаніемъ историческихъ фактовъ. Изъ приводимыхъ далѣе замѣтокъ видно, что этотъ вопросъ очень его занималъ:

„1395, августа 26. Тамерлану сонъ растолкованъ“ (ссылка на Исторію, Карамзина).

„IV вѣка. Прологъ, 20 февраля. Св. Садоку, епископу Салахскому, сонъ растолкованъ.

„О сповидніяхъ и о снѣ молятся въ Россіи св. девяти мученикамъ, иже въ Кизицѣ. 1. Θεογνία. 2. Руфа. 3. Антипатра. 4. Θεοστιха. 5. Артемы. 6. Магна. 7. Θεодота. 8. Фавмасія. 9. Филимона.

„29 Апрѣля. Прологъ и четьи-мивен.

„NB. Не могъ я отыскать, 1828 года, съ чего въ Россіи началось моленіе девяти мученикамъ о сповидніяхъ; въ житіи ихъ не видно ничего такого: онѣ скончались *въ третіемъ столѣтіи*. Въ Россіи первой монастырь имъ построенъ *въ 1701 году*, отъ Казани въ 2^{1/2} верстахъ“ (ссылки на „Исторію російской іерархіи“ и „Абевегу русскихъ суевѣрій“)..

„1265 гѣта: великій князь Ярославъ и Ксенія видѣли

со снѣ о могущемъ совершиться ихъ бракѣ, что и совершилось“ (ссылка на Исторію Карамзина).

„337 по Р. Х. Николай Чудотворецъ, со снѣ являясь царю и градоначальнику, спасаетъ трехъ воеводъ отъ смерти (прологъ 9 маія и 6 декабря).

„NB. Видимо, сны не все бываютъ какъ бредъ и пицчевареніе“.

Сулакадзеъ приводитъ еще толкованіе сновъ Іосифа Прекраснаго, пророка Даніила, патріарха Іакова, ссылаясь на Библию, Четьи-минеи и „Театронъ Стратемана“. Въ спискахъ гадательныхъ и мистическихъ книгъ онъ дважды приводитъ книгу упомянутаго Ѡ. Каржавина: „Вѣдунъ новоявленный“ (Спб. 1795). Въ этой литературѣ онъ приводитъ также переводныя книжки Михаила Попова, Щеголева и др.

II. Мотивы поддѣловъ.

Намъ не встрѣтилось въ литературѣ біографическихъ свѣдѣній о Сулакадзеѣ, и мы только на основаніи его издѣлій можемъ дѣлать предположенія о томъ, что его влекло къ фальсификаціямъ.

Поддѣлка рукописей и вообще древнихъ памятниковъ имѣетъ свою исторію, которая иногда бывала не лишена серьезнаго литературнаго интереса. Съ одной стороны, поддѣлка рукописей бывала тѣмъ же, чѣмъ была издавна и до сихъ поръ поддѣлка антикварныхъ вещей и всякая другая фальсификація -- желаніемъ эксплуатировать неопытныхъ любителей. Антикварныя поддѣлки до сихъ поръ въ большемъ ходу, потому что въ этой области много любителей и мало знатковъ. Поддѣлки рукописей и литературныхъ памятниковъ становятся уже рѣдки, потому что достаточно изучены и размыслены подлинныя памятники и поддѣлка не имѣетъ цѣли, — хотя еще въ пятидесятихъ годахъ одинъ классикъ (впрочемъ, не вполне ученый) изготовилъ цѣлыя десятки комедій Менандра, былъ

поддѣлавъ романъ Вальтеръ-Скотта и т. п.; но съ другой стороны, поддѣлка совершалась иногда совсѣмъ безкорыстно, такъ сказать, съ идеалистической цѣлью. Таковы знаменитыя произведенія Макферсона, которыя въ этомъ смыслѣ представляются типическими. Была эпоха смутныхъ исканій новаго литературнаго содержанія: среди господства извѣстной школы съ опредѣленными сухими и въ концѣ концовъ не удовлетворявшими формами, — каковъ былъ въ данномъ случаѣ псевдо-классицизмъ, — чувствовалась потребность въ свѣжей поэзи, стремленіе дать право тому оригинальному первобытному предавію, котораго отголоски еще хранились въ народной памяти; старина уже привлекала вниманіе археологовъ, но когда этотъ инстинктъ захватывалъ дѣйствительнаго поэта, въ результатѣ являлись пѣсни Оссіана, и хотя уже вскорѣ подлинность этихъ пѣсенъ была подвергнута сомнѣнію, онѣ составили эпоху въ развитіи европейской литературы. Но если въ Оссіанѣ въ концѣ концовъ была однако народно-поэтическая основа, то была въ началѣ XIX столѣтія не менѣе грандіозная фальсификація, на этотъ разъ лишенная всякой подлинной основы, но имѣвшая огромный успѣхъ и только лѣтъ черезъ семьдесятъ окончательно доказанная. Это были знаменитыя въ славянскихъ литературахъ и почти одновременно явившіяся „Любушинъ Судъ“ и „Краледворская рукопись“. Въ обоихъ случаяхъ поддѣлка была прикрыта такъ искусно, что авторы этихъ произведеній до сихъ поръ не могли быть опредѣлены. Въ обоихъ случаяхъ цѣль очевидна: было пламенное стремленіе послужить возникавшему тогда національному возрожденію чешскаго народа, поднять народное чувство напоминаніями о славномъ прошедшемъ, и для этого послѣдняго могли въ особенности дѣйствовать какія-нибудь поэтическія произведенія этой старины, — но ихъ не было, и онѣ были созданы фальсификаціей. Поддѣлка очевидно внушена была патріотической цѣлью и дѣйствительно имѣла чрезвычайный успѣхъ. Любушинъ Судъ явился памятникомъ

X вѣка и стала предметомъ великаго почтенія для энтузіастовъ древности во всѣхъ славянскихъ земляхъ, — въ немъ искали и находили не только первобытную поэзію, но и рѣдкое подлинное свидѣтельство о древнемъ славянскомъ бытѣ; Краледворская рукопись являлась замѣчательнымъ произведеніемъ XIII — XIV вѣка, свидѣтельствомъ высокаго поэтическаго развитія и памятникомъ борьбы старыхъ чеховъ за національное достоинство и свободу. Какъ мы сказали, сомнѣнія были заявлены давно, но только въ самое послѣднее время чешскимъ и другимъ ученымъ удалось вычеркнуть эти фальсификаты изъ исторіи древней чешской литературы, — при чемъ однако противникамъ „древнихъ памятниковъ“ пришлось подвергаться обвиненіямъ въ измѣнѣ національному дѣлу, пока наконецъ научная очевидность взяла верхъ. Но если Любушинъ Судъ и Краледворская рукопись не были произведеніемъ древности, они были очень любопытнымъ произведеніемъ чешской поэзіи втораго десятилѣтія нашего вѣка и вмѣстѣ отраженіемъ тѣхъ понятій о поэтической старинѣ, какія тогда господствовали. Это была археологическая романтика, гдѣ руководствомъ были частью свѣдѣнія о древнемъ славянскомъ бытѣ, какія можно было тогда найти въ старыхъ лѣтописяхъ и иныхъ памятникахъ древности, частью романтическія представленія о старой поэзіи, какія извлекались изъ Слова о полку Игоревѣ, русскихъ былинъ и сербскихъ народныхъ пѣсенъ, первый сборникъ которыхъ не задолго передъ тѣмъ былъ издавъ Вукомъ Караджичемъ и произвелъ тогда очень сильное впечатлѣніе. Поддѣльные памятники собственно въ литературномъ отношеніи были имитацией предполагаемой старины, и имитацией столь искусной, что она могла быть разгадана лишь послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій широкаго развитія науки. Въ русской литературѣ можно указать только одну фальсификацію съ подобнымъ характеромъ патріотической романтики и исполненную съ талантомъ, вызывавшимъ удивленіе Пушкина: это — знаменитая „Исторія Русовъ“, съ

именемъ Беларускаго архієпископа Георгія Конисскаго, которая увлекала малорусскихъ патриотовъ и между прочимъ вдохновляла Гоголя въ „Тарасъ Бульбѣ“.

Такимъ образомъ, поддѣлка рукописей и литературныхъ произведеній можетъ имѣть и весьма значительный историко-литературный интересъ. Понятно, что Бояновъ гимнъ есть нѣчто весьма грубое и элементарное, но онъ также не лишень интереса по своему происхожденію. Не знаемъ, какъ Сулакадзевъ пускалъ въ ходъ свои изобрѣтенія, но въ данномъ случаѣ не видно, чтобы онъ дѣлалъ Бояновъ гимнъ предметомъ торговли: онъ сообщалъ его желающимъ какъ любопытный памятникъ древности. Поддѣлки его совсѣмъ не похожи на другія, какія уже въ то время начинались. Въ Имп. Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ находится нѣсколько поддѣльныхъ рукописей, между прочимъ изъ извѣстной архангельской библіотеки кн. Д. М. Голицына: здѣсь есть Русская Правда, Уставъ Ярослава, Житіе Бориса и Глѣба, Заповѣди Никейскаго Собора. Для поддѣлки брался обыкновенно пергаменъ, почеркъ подражалъ старому уставу, писалось по старинному по разграфленнымъ линейкамъ; въ концѣ прибавлялось иногда послѣсловіе, которое должно было подтверждать древность рукописи,—но всякому, кто имѣлъ дѣло съ настоящими старыми рукописями, поддѣлка не можетъ не бросаться въ глаза: пергаменъ чистенькій, края обрѣзаны ровненько, иногда даже свѣжій переплетъ; самое письмо не умѣетъ схватить особенности стараго устава съ его опредѣленными чертами. Въ пятидесятыхъ годахъ мнѣ случилось видѣть у Срезневскаго подобную поддѣлку Слова о полку Игоревѣ: оно было написано также на пергаменѣ, но фальсификаторъ имѣлъ глупость склеить листы пергамена въ свитокъ, чего никогда не дѣлалось, съ очень ровно обрѣзанными краями... Нашъ фальсификаторъ былъ не таковъ. Онъ не гнался за какимъ-нибудь XII столѣтіемъ; его рукописи были перваго или втораго вѣка, потомъ пятаго и minimum

десятаго столѣтія; онѣ вырѣзаны были на буковыхъ доскахъ (полагалось, вѣроятно, что буквѣ имѣеть связь со словомъ буква) и доски были на кольцахъ, или рунописн писались на листахъ пергамена, которые были сшиты струною (полагалось, вѣроятно, что нитки еще не существовали); онѣ замѣчалъ иногда, что памятники написаны такъ, что было „претрудно читать“; они бывали „прерѣдкіе“. Словомъ, древность, имѣ самимъ сочиненная, была сверхъестественная. Въ одномъ листѣ онѣ приводитъ заглавіе имѣвшейся у него книги, написанное рунами... Все это — конечно совершенный вздоръ; самыя творенія, кромѣ Боянова гимна, провѣщаній Новгородскихъ жрецовъ и „оповѣди“ по исторіи Валаама, не появлялись и, можетъ быть, были только въ предположеніи; но остается не безынтересный вопросъ объ историко-литературныхъ условіяхъ, дававшихъ возможность поддѣлки, и о психологіи фальсификатора. Едва ли сомнительно, что это былъ не столько поддѣльщикъ, гнавшійся за прибылью, или мистификаторъ, сколько фантазеръ, который обманывалъ и самого себя. Повидимому, въ своихъ издѣліяхъ онѣ гнался прежде всего за собственной мечтой возстановить памятники, объ отсутствіи которыхъ сожалѣли историки и археологи; вывести на сцену самого Бояна, о которомъ лишь неясно говорило Слово о полку Игоревѣ; объяснить древнія событія, о которыхъ не осталось никакихъ свѣдѣній, какъ онѣ хотѣлъ, напримѣръ, дать древнія извѣстія о Валаамѣ, и т. д. Древность представлялась Сулакадзеу въ таинственныхъ и фантастическихъ очертаніяхъ: безъ сомнѣнія, до него дошли творенія Оссіана; ему помнилось Слово о полку Игоревѣ; по его каталогу видно, что онѣ рылся въ старыхъ книгахъ, зналъ по-латыни, умѣлъ, по крайней мѣрѣ, читать по-гречески. Главною чертой остается фантастическое представленіе о старинѣ, и поэтому его въ особенности поразила статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ которой такъ много было отраженій народной фантастики, и онѣ уси-

ливается дополнить воображеніемъ, чего не зная и чего вообще тогда мало знали. Въ этомъ смыслѣ его фальсификаціи составляютъ черту времени, какъ и то, что въ нихъ повѣрилъ Державинъ. Это желаніе подкрасить старину, если не совсѣмъ поддѣлать ее, мы встрѣтимъ и позднѣе. Недостаточное знаніе подлинныхъ фактовъ развивало, съ одной стороны, довѣрчивость, а съ другой—большую смѣлость въ обращеніи съ предметами старины: была простодушная мысль, что если нѣтъ старины, то ее можно придумать, и другіе вѣрили такимъ выдумкамъ. Таковъ былъ нѣсколько позднѣе извѣстный Макаровъ; но таковъ же былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и очень извѣстный Сахаровъ.

III. Поддѣлки Макарова, Сахарова и др.

Современникомъ Сулакадзева былъ Бардинъ, который, повидимому, хотѣлъ именно промышлять своими поддѣлками. Между прочимъ едва ли не имъ изготовленъ былъ новый списокъ Слова о полку Игоревѣ, выдаваемый, конечно, за древній ¹⁾.

Но Сулакадзевъ имѣлъ продолжателей и въ томъ направленіи, гдѣ онъ, какъ надобно думать, полунаивно хотѣлъ обмануть другихъ, обманывая и себя. Старина была еще слишкомъ мало извѣстна; между тѣмъ оказывалось все больше и больше ея любителей. Люди серьезнаго ума, съ научной критикой, видѣли одно средство, которое было и единственное,

¹⁾ По поводу предпологавшейся поддѣлки такъ называемаго „зифевика“ г. Сперанскій замѣчаетъ: „Не лишнее припомнить, что всѣ наши поддѣлки далеко не отличаются искусствомъ и разсчитаны, ясно, на весьма мало опытныхъ покупателей; таковы, напр., извѣстные мнѣ обѣ поддѣлки Слова о полку Игоревѣ (Бардина: одна—теперь въ Румянцовскомъ Музеѣ; другая, бывшая Максимовича, въ антикварной лавкѣ Шибанова); такова поддѣльная начальная лѣтопись (см. Описаніе рукъ Хлудова, А. П. Попова, стр. 91—92, первое приб.). „О зифевикѣ съ семью отроками“, въ Археолог. Извѣстіяхъ и Забѣткахъ, 1893, № 2.

удовлетворить своей любознательности—точное изученіе самихъ памятниковъ: они строго держались того, что было раскрыто, какъ вполне удостовѣренный фактъ, и не считали позволительнымъ фантазировать о томъ, о чемъ не было никакихъ данныхъ. Эти люди, со времени Герарда-Фридриха Миллера и Новикова и продолжая ученымъ кружкомъ канцлера Румянцова, полагали основаніе прочному изученію древней русской письменности. Но было не мало людей, у которыхъ не было ни серьезнаго ума, ни научной подготовки; любовь къ старинѣ вырождалась у нихъ въ фантазерство, которое могло имѣть нѣкоторый успѣхъ только потому, что въ массѣ общества было еще слишкомъ мало людей, способныхъ къ научной критикѣ. Таковъ былъ извѣстный нѣкогда Мих. Ник. Макаровъ (1789—1847), усердно занимавшійся истолкованіемъ русской старины: обычая, преданій, языка, письменности. Онъ принималъ на себя видъ знатока, ему вѣрили иногда даже люди совсѣмъ серьезные: Бодянский находилъ возможнымъ печатать въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей его „Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника“ (1846). Въ своихъ „Повѣстяхъ изъ русскихъ народныхъ преданій“, М. 1834, Макаровъ пересказывалъ старинную повѣсть: онъ утверждалъ, что нашелъ въ своихъ старыхъ бумагахъ эту повѣсть, „написанную весьма просто, но обезображенную рукою времени“ (?); онъ передаетъ и заглавіе мнимой старинной повѣсти ¹⁾. Макаровъ былъ также „знатокъ“ литературы XVIII вѣка и т. п.; но настоящіе историки послѣ нѣсколькихъ провѣрокъ скоро убѣдились, что и здѣсь показанія Макарова не имѣютъ ни малѣйшей достовѣрности ²⁾.

Болѣе сложно, и для своего времени болѣе успѣшно,

¹⁾ „О томъ, что случилось и приключилось съ Мадленой, дочерью двинцемъ Ивановою пана Тарновскаго, и о томъ, какъ онъ панъ Ивалъ прощалъ ее, и какъ панъ Полаки все еще были въ ненависти противу Руси“.

²⁾ См. Тихонравова, разборъ книги Галахова въ отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ, 1878, стр. 37; въ моемъ „Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей“ и проч., стр. 291.

т.-е. долго не вызывая разоблаченій, занимался поддѣлками И. П. Сахаровъ, вѣкогда большой авторитетъ въ археологін и этнографін, въ другихъ отношеніяхъ дѣйствительно оказавшій наукѣ не малыя услуги. Біографія его еще не написана, и она, вѣроятно, объяснитъ въ Сахаровѣ эту смѣсь настоящихъ научныхъ инстинктовъ и фантазерства, доходившаго до подлоговъ. Это былъ любитель, но въ полной мѣрѣ самоучка, не имѣвшій правильной научной подготовки, и, какъ всѣ самоучки, преувеличивавшій свои познанія. Первый успѣхъ его изданій окончательно вскружилъ ему голову: онъ вообразилъ себя авторитетомъ, и когда первые опыты собственныхъ подправокъ въ русской старинѣ прошли незамѣченными, онъ сталъ смѣлѣе и, наконецъ, сталъ прямо выдумывать. Онъ былъ великій почитатель старины, какъ самаго подлиннаго выраженія русской народности, ненавидѣлъ все иноземное; съ научной постановкой вопроса о народно-поэтической старинѣ онъ былъ совершенно незнакомъ, и, напримѣръ, его попытки говорить о древней русской мѣологін, народныхъ преданіяхъ и т. под. представляютъ нѣчто крайне уродливое. Если въ сороковыхъ годахъ не указывали этой нескладницы, то вѣроятно, потому, что хотѣли щадить археолога, въ другихъ отношеніяхъ имѣвшаго свои заслуги: мѣологическія и другія объясненія русской старины, сдѣланныя Сахаровымъ, остались одиноко стоящею чепухой. Въ первое время, когда онъ издавалъ сборники пѣсенъ, сказокъ, старыхъ записокъ, путешествій и проч., при чемъ онъ съ великимъ пренебреженіемъ говорилъ, напримѣръ, о своихъ предшественникахъ по изданію пѣсенъ, укоряя ихъ въ подправкѣ текстовъ, никому не приходило въ голову усомниться въ точности его собственныхъ текстовъ: позднѣе оказалось однако, что онъ цѣликомъ бралъ пѣсни у предшественниковъ, которыхъ только-что осуждалъ — какъ будто именно для отвода глазъ ¹⁾. Онъ ссылался на каку-то

¹⁾ Ср. въ „Исторіи р. этнографіи“. I, стр. 300—303.

старую рукопись, гдѣ заключались произведенія древней народной поэзіи („рукопись Бѣльскаго“), но взятое изъ этой мнимой рукописи оказывалось простою перепечаткой Кирши Данилова. Въ своемъ изданіи сказокъ рядомъ съ пересказами извѣстныхъ сюжетовъ о Добрынь Никитичѣ, Василии Буслаевичѣ, Ильѣ Муромцѣ и проч., съ пересказами, скрашенными имъ самимъ въ мнимо-древнемъ стилѣ (который у Сахарова выходилъ обыкновенно растянудо-слащавымъ), — онъ прибавилъ еще сказку объ Авундинѣ. По словамъ его, она опять „взята изъ рукописи Бѣльскаго“, и Сахаровъ прибавлялъ: „Есть много сходнаго съ нашею Сказкою въ Олоонецкихъ народныхъ преданіяхъ. Любопытные могутъ видѣть замѣтки объ этомъ Авундинѣ въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію Ѡ. Н. Глинка: *Карелія*“. Сказка, никогда раньше не извѣстная, имѣла нѣкоторый успѣхъ даже въ ученomъ кругу. Извѣстный историкъ, И. Д. Бѣляевъ, ввелъ ее въ исторію Новгорода, какъ объясненіе стараго новгородскаго обычая ¹⁾. Впослѣдствіи оказалось однако, что сказка объ Авундинѣ составляетъ не что иное, какъ собственное сочиненіе Сахарова.

Ближайшее изученіе пѣсенъ, сказокъ, письменныхъ памятниковъ коснулось, наконецъ, тѣхъ самыхъ предметовъ старины, надъ которыми упражнялся Сахаровъ, и поставило вѣдѣ сомнѣнія фактъ, что тексты Сахарова, не смотря на его утвержденіе въ ихъ точности, заслуживаютъ мало вѣроятія, а иногда были имъ просто сочинены. Таковы были многочисленные разоблаченія П. И. Безсонова, который при изданіи пѣсенъ Кирѣвскаго встрѣтился со множествомъ текстовъ, гдѣ подправки Сахарова были очевидны. Безсоновъ прямо заявилъ, что Сахаровъ „поддался неблагоприятной роли передѣлывать народное творчество, подправлять и выдавать за цѣльное, извращать и увѣрять, что такъ говорилъ самъ народъ, однимъ словомъ, на частное лицо свое надѣвать маску,

¹⁾ Рассказы изъ русской исторіи. М. 1864.

снятую со всего великаго народа". Сахаровъ,—продолжаетъ Безсоновъ,— „доказалъ свою роль тысячью опытовъ. При всемъ томъ, мы не рѣшились бы говорить о почтенномъ въ другихъ отношеніяхъ дѣятелѣ, сдѣлавшемъ все-таки много для словесности народной, не рѣшились бы легкомысленно, если бы предварительно не взяли на себя труда пробѣрить *есть* напечатанные имъ памятники устнаго творчества съ образцами неподдѣльными, до насъ уцѣлѣвшими. Выводъ нашего безпристрастнаго сличенія оказался крайне неблагопріятенъ для издателя „Сказаній Русскаго народа“ и „Русскихъ народныхъ сказокъ“. Довольно припомнить обдѣланный имъ Стихъ Егорья...., довольно привести пѣсню объ осадѣ Волока и Карамышевѣ, гдѣ Сахаровъ, по мнимымъ историческимъ требованіямъ, подставилъ вмѣсто Волока Псковъ, вмѣсто Карамышева—Шуйскаго Ивана Петровича; въ пѣсняхъ болѣе мелкихъ онъ вездѣ почти стертъ особенности мѣстныхъ нарѣчій, укорачивалъ — удлинялъ стихъ по произволу, дѣлалъ тѣ же поправки и вставки. Дошло до необходимости создать уже какой-нибудь авторитетъ подобныхъ поправокъ: это и была знаменитая *рукопись Бѣльскаго*, выведенная Сахаровымъ въ ссылкахъ, но не на показъ, ибо она гораздо болѣе сомнительна, чѣмъ Акимовская - Татищевская; и увидать ее въ томъ видѣ, какъ она цитовалась, конечно, мы никогда не увидимъ.“ Перебравши подробно сказки изъ мнимой рукописи Бѣльскаго, Безсоновъ останавливается на сказкѣ объ Акундинѣ. „Рукопись Бѣльскаго,—говоритъ онъ,— „еще не вся: слѣдуетъ Сказка объ Акундинѣ и князѣ Глѣбѣ Ольговичѣ. Долго было бы намъ по прежнему разбирать языкъ: онъ такой же пранный и уснащенный. Только лишь начинается сказка, — „соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя“—тотчасъ чувствуете съ Гоголемъ, какъ пошла писать распыщенная губернія. Все вступленіе Сказки пропитано этими сладостями и жалостями: рассказываетъ,

какъ жили въ старину, не по нашему, по заморскому, а по своему православному; но народъ не описалъ бы такого православнаго житья: вставали, видите, утромъ рано и, влянялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада“, — что за безобразіе! Потомъ созывали „слугъ вѣрныхъ на добры дѣла“, — только *слуш* ихъ и дѣлали; „старика судъ радили“, „старья старушки судили-радили“, — мужеско-женскія народоправства; „молодыя молодицы правили домкомъ“, тогда какъ въ народѣ онѣ, именно молодыя молодицы, никогда до этого не допускаются; наконецъ — „красныя дѣвицы завывали вѣнки на Семикъ день“, „старья старушки сказки сказывали“, — это то же православіе. Но за рѣчью издателя не угодяешься: мы остановимся на содержаніи“. Онъ разъясняетъ, что сказка есть просто сочиненіе Сахарова, можетъ быть, съ прибавкой какихъ-нибудь отдѣльныхъ подробностей изъ народнаго преданія, и заключаетъ: „Грустно разоблачать подобныя вещи у всякаго издателя; грустно видѣть, какъ легко разлетаются эти карточныя домики, на которые такъ разсчитывалъ безпокойный труженикъ, строилъ, обставлялъ, обгораживалъ, гдѣ законопачивалъ; еще грустнѣе говорить это о литературномъ дѣятелѣ, не мало потрудившемся для народа: но — и отрадно, какъ отрадепъ всякій выходъ изъ удушья на свѣжій воздухъ, на чистую истину, и полезно: вкусъ къ народному творчеству воспитывается изученіемъ его произведеній; онъ гибнетъ отъ фальшивыхъ поддѣлокъ; онъ зрѣетъ зрѣлостью мужества, когда рядомъ съ истинными произведеніями народа сопоставляемъ мы для сличенія поддѣлки“ ¹⁾. Кромѣ сказокъ, Безсонову привелось провѣрять Сахарова въ пѣсняхъ, и здѣсь оказалось тоже самое. Сахаровъ, если прямо не сочинялъ пѣсенъ, то старался подправлять ихъ въ томъ народномъ вкусѣ, какой ему казался самымъ настоящимъ и котораго какъ будто не было достаточно у самого народа.

¹⁾ Пѣсни Кирѣвскаго, вып. 5. М. 1868. стр. СХХІV—СХLII.

Свои „источники“ онъ обыкновенно скрывалъ, потому, между прочимъ, что они, какъ рукопись Бѣльскаго, нигде не существовали ¹⁾).

Изъ многочисленныхъ примѣровъ, указанныхъ Безсоновымъ, приводимъ одинъ. Въ старомъ Чулковскомъ и Новиковскомъ сборникѣ помѣщена извѣстная пѣсня, заключающая плачь о ранней смерти:

„Ты рябинушка, ты худравая,
Ты когда взшла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вырѣла“ и т. д.

И въ концѣ:

„Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые!
Перестаньте дуть, васъ не надобно.
Потяните вы, вѣтры буйные,
Что со той стороны сѣверной!
Вы развѣйте мать сыру землю,
Вы раскройте гробову доску,
Вы пустите меня проститься
И въ послѣднй разъ поклониться“.

У Сахарова, говоритъ Безсоновъ, „размалева“ достигла окончательнаго изящества. Напримѣръ, послѣднй стихи пѣсни получили слѣдующую форму:

„Ой вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осеннй!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.
Прилетайте, вы вѣтры буйные,
Что со сѣверной со стороншки!
Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
И, развѣтите по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣднй разъ
Распрѣщитися съ моею милою,
Съ моею милою душой дѣвнцемъ;
Окропитъ ее горячеш слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда“ ²⁾

¹⁾ Пѣсни Кирѣвскаго, выи. 7, стр. 80, 206 — 211, выи. 8, стр. 28, 66, 70—76, 78, 97, 132, 134 и т. д.

²⁾ Тамъ же, выи. 8, стр. 342.

Такимъ образомъ, въ подправкѣ, кромя другихъ негѣностей, осенніе вѣтры выходятъ теплыми и въ концѣ подбавлены чувствительныя фразы, совершенно невозможныя въ настоящей народной пѣснѣ.

Въ біографіи извѣстнаго П. М. Строева, составленной Н. П. Барсуковымъ, находимъ и другіе примѣры дѣятельности Сахарова и его манеры скрывать свои источники. Въ своей книгѣ „Русскіе древніе памятники“ (Спб. 1842) Сахаровъ воспользовался, между прочимъ, опечаткою рукописей Воскресенскаго монастыря, которое составлено было Строевымъ, — но объ этомъ не упомянулъ. Въ бумагахъ Строева нашлась объ этомъ слѣдующая замѣтка: „Каталогъ Сахарова: Воскресенская Библіотека, чистая передѣлка моего каталога, который, вѣроятно, попалъ ему изъ Румянцевскаго музеума; я свѣдѣлъ и удостовѣрился въ этомъ. Слѣдовательно, знаменитый бібліографъ *выдастъ чужой трудъ за собственный*“¹⁾.

Впослѣдствіи съ поддѣлками Сахарова встрѣтился А. А. Потебня и указалъ опять размалевку подлинныхъ пѣсней въ мнимо-древнемъ стилѣ²⁾.

То же оказалось съ памятниками древней письменности, какіе издавалъ Сахаровъ. Съ его словъ историкъ упоминали старую книгу подъ названіемъ „Вожда по жизни“, одинаковаго содержанія съ Домостроемъ. Разбирая книгу Галахова, гдѣ былъ упомянутъ этотъ памятникъ, Тихонравовъ говорилъ: „Но кто видалъ рукописи *Вожда по жизни*? Кому онъ извѣстенъ? Гдѣ скрывается этотъ таинственный источникъ Домостроя, это „старинное сочиненіе одинаковаго съ нимъ содержанія“? Мы не встрѣчали его ни въ одномъ изъ знаменитыхъ собраній древнихъ славяно-русскихъ рукописей; о немъ не упоминаетъ ни одинъ каталогъ, ни одно описаніе нашихъ рукописныхъ бібліотекъ; о немъ молчатъ и послѣднее изслѣдованіе, посвященное вопросу о происхожденіи древне-

¹⁾ Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878, стр. 38; ср. стр. 431.

²⁾ Объясненіе малорусскихъ и среднихъ пѣсней. I, стр. 26, 891.

русского Домостроя, исследование, может быть, не удовлетворяющее читателя своими главными выводами, но довольно усердно подбиравшее, по неизданным рукописям, все, что могло служить источником Домострою. Может быть, когда-нибудь действительно найдется *Вождь по жизни*; тогда оценим его и внесем в историю словесности. Пока это — миф¹⁾.

В изданиях памятников, напр., старых хождений к святым местам находим подобный прием. У Сахарова, при этом, бывала иногда собственная рукопись того или другого хождения, и как раз в этой рукописи, которой никто другой не выдал, оказывались подробности, другим текстам неизвестны. Так в хождении Стефана Новгородца находится любопытное сведение о том, как Стефан встретил в Царьградѣ своих новгородцев, которые занимались списыванием книг в Студийском монастырѣ. Извѣстие нашлось только в рукописи Сахарова, но затѣм критика не усомнилась признать эту вставку „сочинением новѣйшаго времени“. Или, Сахаровъ печаталъ Хождение чернаго дьякона Юны Малеваго по собственной рукописи, которая „почти во всем сходна“ съ прежним изданіем Коркунова, но „имѣетъ окончаніе, котораго недостаетъ въ двухъ спискахъ, бывших у Коркунова“: новѣйшіе изслѣдователи, архим. Леонидъ и С. О. Долговъ, нашли, что „окончаніе“ сочинено было самимъ Сахаровымъ, и самое его изданіе есть просто перепечатка, потому что повторяет случайныя особенности и самыя типографскія ошибки изданія Коркунова²⁾.

¹⁾ В отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ, 1878, стр. 37. Но „Вождь“ упоминалъ еще Вуслаевъ: „Историческіе очерки русской нар. словесности и искусства“. Спб. 1861, I, стр. 473.

²⁾ О хожденіи Стефана Новгородца см. у Соболевскаго, Южно-славянское вліаніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. Спб. 1894, стр. 11; о хожденіи Юны Малеваго, арх. Леонидъ, въ „Чтеніяхъ“ моск. Общ. ист. и др. 1371, кн. I: „Иерусалимъ, Палестина и Афонъ“ и пр.; С. О. Долговъ, въ изданіи хожденія Юны, „Палестинскій Сборникъ“, вып. 42. Спб. 1895.

Во всѣхъ этихъ поддѣлкахъ Сахаровъ очевидно руководился внушеніями своеобразно понимаемаго патриотизма. Онъ всегда стоялъ горой за старину: она была для него идеаломъ чисто національнаго патриархальнаго совершенства, идеаломъ, которымъ перестали дорожить легкомысленные потомки, позволяя неизвестнымъ иностранцамъ заглушать этотъ идеалъ ихъ зловреднымъ вліаніемъ. Поэтому его поддѣлки — всегда прикрасы, и въ пѣсняхъ — обыкновенно въ мнимо-архангелскомъ и чувствительномъ родѣ. Въ поддѣлкахъ, указывающихъ его собственный литературный вкусъ, онъ выработалъ себѣ особенный стиль въ тонѣ какаго-то причитанія, тягучій и слащавый и крайне непріятный своею видимою ложью. Никто никогда не слыхалъ въ народныхъ пѣсняхъ и не читалъ въ старыхъ памятникѣхъ ничего подобнаго тому, что находимъ, напримѣръ, въ началѣ упомянутой сказки объ Акудинѣ ¹⁾.

Но если было здѣсь полунаивное благое намѣреніе внушить своимъ согражданамъ любовь къ завѣтамъ предковъ, то, съ другой стороны, было совсѣмъ не благое въ тѣхъ средствахъ, какія употреблялъ Сахаровъ. Онъ предпринималъ поддѣлки сознательныя, ссылаясь на несуществующія рукописи.

¹⁾ Вотъ это начало:

„Снизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса не мудрыя, какъ въ стары годы, прежніе, жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, народъ все православный! Живали старики не по нашему, не по нашему, по заморскому, а по своему, православному. А житье-то, а житье-то было все привольное, да раздольное. Вставали раннимъ-раненько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой, со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодицамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла. Старики судъ радили, молодые слушали; старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во послушкахъ. Молодые молодцы правили домкомъ, красныя дѣвочки завывали вѣнки на Сенинъ день. Старики старушки судили, радили и сказки сказывали. Бывали радости великія на великѣ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былою поросло; а что будетъ, то будетъ по по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой стороной долъ того“.

Подобное стремленіе прикрашивать старину или сочинять въ минно-древнемъ духѣ памятники, каковыхъ въ ней не было, между прочимъ, свидѣтельствовало о несовершенствѣ самой науки и всего чаще о малой компетентности сочинителей. Въ самомъ дѣлѣ, въ тридцатыхъ годахъ и въ началѣ сороковыхъ поддѣлки Сахарова не замѣчались; потомъ онѣ бросаются въ глаза и были бы совсѣмъ невозможны.

Но на Сахаровѣ поддѣлки еще не кончились. Въ Новгородскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. (№ 41, 42, 47) напечатана была будто бы по старинному подлиннику „Рукопись старицы игуменьи Маріи, урожденной княгини Одоевской“. Это дневникъ русской боярышни XV — XVI вѣка, жившей въ Новгородѣ въ эпоху его паденія: дневникъ описываетъ жизнь боярской дочери въ домѣ ея отца, вводитъ читателя не только въ домашній бытъ, но и въ среду политическихъ событій того времени, иногда онъ удачно рисуетъ положеніе русской женщины съ ея ролью въ семействѣ, съ ея чувствами и любовью, обставляетъ все это мелкими подробностями старинной жизни. Словомъ, дневникъ казался драгоценнымъ приобрѣтеніемъ литературы, въ которой до тѣхъ поръ не находили ничего подобнаго; это была вмѣстѣ и прекрасная старинная повѣсть. Но мистификація скоро открылась. Погодинъ обнаружилъ промахи новѣйшаго сочинителя, который смѣшалъ Іоанна III съ Іоанномъ IV, упоминалъ русскую печатную книгу за пятьдесятъ лѣтъ до ея перваго появленія, перепуталъ названія старинныхъ чиновъ и должностей. Вѣщность описанной издателемъ рукописи также выказала подлогъ сочиненія: рукопись названа харатейною и — склеенною столбцами, что дѣлалось, какъ извѣстно, только съ столбцами бумажными: притомъ харатья въ XVI столѣтіи есть излишняя роскошь, потому что тогда уже вошли въ общее употребленіе не только бомбицины, но и простая тряпичная бумага. Погодинъ перепечаталъ и самую повѣсть, въ переводѣ на нынѣшній языкъ, чтобы сдѣлать свои опровер-

женія несомнѣнными ¹⁾. Прибавимъ, что и преднамѣренная неправильность книжнаго языка повѣсти въ той же мѣрѣ не удалась автору. Любопытно, между прочимъ, что поддѣлка очень заинтересовала И. С. Аксакова, который былъ не совсѣмъ увѣренъ въ фальсификаціи. Онъ тогда же писалъ отцу: „Погодинъ доказываетъ, что это мистификація. Мнѣ самому это кажется. *Если же нѣтъ*, то это вещь предрагоцѣнная. Хочется мнѣ знать мнѣніе Константина объ этомъ предметѣ. Тутъ и война Іоанна III съ Новгородомъ. Непремѣнно доставьте“ ²⁾. Авторомъ мнимаго сказанія XVI вѣка оказался новѣйшій человекъ, нѣкто Руфъ Игнатьевъ.

Въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ произведено было еще нѣсколько поддѣлокъ; между прочимъ онѣ направлены были на народную поэзію. Еще раньше, въ тридцатыхъ годахъ, явились опыты фальсификаціи малорусскихъ думъ, которыя нашли мѣсто въ „Запорожской Старинѣ“ Срезневскаго и долго пользовались полнымъ довѣріемъ; Буслаевъ вводилъ ихъ въ свои изслѣдованія. Изъ поддѣлокъ новѣйшихъ укажемъ двѣ, которыя ввели въ заблужденіе даже изслѣдователей, въ свое время весьма авторитетныхъ. Костомаровъ, занявшись собраніемъ пѣсенъ въ Саратовскомъ краѣ, поддался мистификаціи и напечаталъ ³⁾ мнимо древнюю былину („Лукоянъ Берендѣевичъ“), новѣйшій авторъ которой, кажется, имѣлъ въ виду только шутку. Кудишъ въ „Запискахъ о южной Руси“ повѣрилъ въ мнимо старинную думу, заключающую сказаніе о древнемъ языческомъ божествѣ и доставленную любителемъ малорусской этнографіи, Шишацкимъ-Ильчемъ.

¹⁾ Москвит. 1850. № 3, смѣсь, стр. 29—61. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XI. Спб. 1897, стр. 190—192.

²⁾ И. С. Аксаковъ въ его письмахъ М. 1898. II, стр. 292—293.

³⁾ Саратовскія губ. Вѣдомости, 1853. Внушали сомнѣніе и нѣкоторыя пѣсни въ сборникѣ изъ той же мѣстности, который былъ изданъ Костомаровымъ въ „Лѣтописяхъ“ Тихонравова.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02735 9754

